

ПРИСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ 1870-Х ГОДОВ

А.А. ГРЕЗНЕВА

Выпускница исторического факультета ПСТБИ 2004 г.,
аспирантка кафедры историко-архивоведения

Институт присяжных поверенных, созданный в ходе судебной реформы 1864 г., занимал особое место в общественной жизни второй половины XIX века. Выступая на политических процессах 1870-х гг., среди которых значительными были процессы «нечаевцев», «50-ти», «11-ти», «16-ти» и др., защитники сталкивались с необходимостью определить суть государственного преступления, этого нового явления, ещё во многом не осмысленного общественным сознанием. Для того, чтобы понять и раскрыть влияние присяжных поверенных на правосознание пореформенного общества, в статье рассматриваются выступления самих защитников, публиковавшихся в силу гласности судопроизводства на страницах периодической печати второй половины XIX столетия. Речи присяжных поверенных позволяют проанализировать те представления о политическом преступлении, которые внушались защитниками российскому обществу.

Пореформенное время ознаменовалось переменами в жизни русского общества, проведением преобразований в различных сферах общественной жизни. Великие реформы 60-70-х гг. XIX в. в России вызвали заметную активизацию жизни, которая выразилась, в частности, в массовом росте революционного движения. Резко возросло и число политических преступлений, которые были значительным явлением в жизни страны.

Реакцией на государственные преступления в 1870-е гг. стало проведение соответствующего ряда публичных политических процессов. Проходившие на фоне нарастания социальных противоречий и распространения революционных настроений, политические процессы приобрели огромный общественный резонанс. Специфика их состояла в том, что они были не только частью репрессивной правительственной политики Александра II, но и превратились в элемент

осмысления государственных преступлений как нового явления общественной жизни.

Необычным для политических процессов второй половины XIX столетия явился принцип гласности судопроизводства, введённый судебной реформой 1864 года. Благодаря ему залы судебных заседаний становились открытыми и для широкой публики. Стенографические отчёты о политических процессах публиковались на страницах печати и привлекали широкое общественное внимание.

Исключительное значение на политических процессах приобрёл институт присяжных поверенных, создание которого в результате судебной реформы было для пореформенной России абсолютно новым явлением. Становление адвокатуры в 1860-1870-е гг. приковывало к себе внимание общества, что обусловило особое место присяжных поверенных в общественной жизни тех лет.

Уникальная роль присяжных поверенных на процессах состояла в том, что, не будучи ни представителями правительства, с одной стороны, ни участниками революционного движения, с другой, они тем самым находились в более выгодном положении по своему месту в обществе. Выступая в качестве лиц, отстаивающих интересы подсудимых, защитники как новый институт пореформенной России имели возможность выражать свои взгляды на злободневные вопросы общественной жизни, к числу которых относились деятельность революционеров и рост количества политических преступлений. Поэтому деятельность присяжных поверенных оказывала влияние на формирование общественного правосознания. В связи с этим, определённый интерес представляют выступления присяжных поверенных во время публичных политических процессов.

В 1870-х гг. в России состоялось свыше ста политических процессов, из которых более 20-ти получили широкое отражение на страницах периодической печати. Речи представителей адвокатуры дошли до нас в составе стенограмм судебных заседаний, публиковавшихся в популярных периодических изданиях второй половины XIX в., таких как «Голос», «Московские ведомости», «Новое время», «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Современные известия» и других.

В ходе предпринятого исследования проанализировано свыше 130 выступлений присяжных поверенных на 27 политических процессах 1870-х гг., среди которых крупнейшими были процессы «нечаевцев», «долгушинцев», «50-ти», Веры Засулич, «11-ти», «16-ти», «1 марта». Всё это даёт возможность обратиться к рассмотрению попыток присяжных поверенных осмыслить политические преступления

ния как новое явление русской общественной жизни. Изучение выступлений представителей адвокатуры содействует пониманию формирования взглядов русского общества на политическое преступление и революционное движение. Для исследования роли присяжных поверенных представляется необходимым анализ их представлений о политическом преступлении и революционном движении, которые оказывали влияние на общество.

В дореволюционный период выступления присяжных поверенных на политических процессах пореформенного времени ни в историографии, ни в публицистике, ни в юридической литературе не являлись предметом специального изучения, несмотря на то, что были написаны отдельные работы о самом институте присяжных поверенных, его юридическом статусе и задачах¹.

Особо следует отметить работу В.Я. Фукса «Суд и полиция». В ней автор в контексте изучения взаимодействия правительства и суда выявил общественную роль политических процессов пореформенного времени. Он отмечал, что «глубокое влияние на оценку нового суда, если не публикой, то официальными сферами, имели политические процессы, которые, начиная с процесса Нечаева и вплоть до самого разбора дела по поводу покушения 1 марта 1881 года, были как бы пробным оселком для судебной реформы»². Тем не менее, признавая значение политических процессов второй половины XIX в., В.Я. Фукс не рассмотрел вопрос о роли в них присяжных поверенных.

Исследования, непосредственно посвящённые представителям адвокатуры, ограничивались, как правило, апологизацией личности отдельных присяжных поверенных и имели по большей мере биографический характер³. В работах по антиправительственному движению второй половины XIX в. отсутствовали анализ и постановка вопроса об осмыслении защитниками самого явления политического преступления⁴. В советское время изучение политических процессов 1870-х гг. предпринималось М.Н. Гернетом и Б.В. Виленским. Однако участие присяжных поверенных в процессах, рассмотрению которого авторы отводили незначительное место, показывалось исключительно в контексте противодействия революционного движения государственной власти⁵.

Наиболее обстоятельно и внимательно участие присяжных поверенных в политических процессах пореформенного времени рассмотрел Н.А. Троицкий⁶. Но, исследуя взаимодействие адвокатуры и государственной власти, с одной стороны, адвокатуры и общества, с другой, исследователь старался раскрыть «юридический и политический смысл выступлений» защитников и проанализировать «общие

принципы и тактические особенности её (адвокатуры. – А.Г.) поведения в зависимости от условий, места и времени»⁷.

Интерес авторов, работавших на рубеже XX-XXI столетий, главным образом сосредотачивался на вопросе, который по сути подробно был изучен ранее – на юридическом статусе адвокатуры. В трудах Г.Л. Пилипенко⁸, М.В. Немытиной⁹, М.Ю. Барщевского¹⁰ и Ю.Ф. Лубшева¹¹ не затрагивался вопрос о роли присяжных поверенных в политических процессах 1870-х годов.

Изучению места нового суда в пореформенной жизни общества посвящена переводная статья Т. Тарановски «Судебная реформа и развитие политической культуры царской России», помещённая в сборнике «Великие реформы в России, 1856-1874». Автор фактически одним из первых обратился к переосмыслению преобразований пореформенного времени, акцентировал внимание на проблеме формирования общественного правосознания, на возникновении в результате реформы «совершенно нового для русского самодержавия отношения к закону», когда слово «законность» стало «употребляться очень широко»¹². Однако, исследуя значение судебной реформы 1864 г., Т. Тарановски не поставил вопрос о влиянии институтов реформы на правосознание общества, одним из которых и был институт присяжных поверенных.

Таким образом, степень изученности темы является далеко неполной, что и предопределило её выбор автором настоящей статьи. Прежде всего, в новых условиях во многом ещё неясным для русского общества было само понятие политического преступления и тем самым оно нуждалось в осмыслении. Присяжным поверенным на судебных процессах 1870-х гг. по ходу дела предстояло раскрыть специфику, характер и отличительные особенности этого явления и повлиять на формирование представления о нём общества.

В действующем с 15 августа 1845 г. «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», которым и руководствовались судебные органы, понятие «государственные преступления» понималось довольно широко. Основной состав и система наказаний за их совершение представлены в Уложении следующим образом:

1) преступления, направленные против императора и членов его семьи (оскорбление, оказание неуважения к личности главы государства; составление и распространение сочинений или изображений с целью подорвать доверие к императору; организация заговора с умыслом свержения его с престола, изменения образа правления и порядка передачи престола по наследству) – лишение всех прав состояния, каторга и смертная казнь [ст. 241-248];

2) преступления, направленные против политического устройства (составление и распространение письменных или печатных сочинений, произнесение речей с целью неповиновения государственной власти и противодействия существующему строю, подготовка и организация для этого заговора) – лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от 4 лет до пожизненной [ст. 249–252];

3) преступления, направленные к: а) проявлению неуважения к присутственным местам и должностным лицам; б) воспрепятствованию обнародования указов, законов и др. правительственных постановлений; в) составлению и распространению подложных указов, писем и ложных слухов с намерением возбудить противодействие властям; г) неповиновению и сопротивлению распоряжениям правительства – лишение всех прав состояния, ссылка и каторга от 15 до 20 лет, а также различные денежные взыскания и заключение в смирительном доме [ст. 262–302];

4) участие в организации тайных преступных сообществ, недонесение об их деятельности, попустительство и укрывательство членов сообществ – лишение всех прав состояния и ссылка на каторжные работы от 6 до 15 лет, тюремное заключение от 4-х месяцев до 2-х лет и отдача в исправительные арестантские отделения от года до 6 лет [ст. 318–324].

Тем самым, Уложение предоставляло значительный простор присяжным поверенным для интерпретации сути государственного преступления.

Анализ выступлений присяжных поверенных на политических процессах 70-х гг. XIX столетия свидетельствует о том, что они акцентировали внимание не только на уголовном характере преступления. Адвокаты видели в них явление общественной жизни. Так, А.И. Урусов на процессе «нечаевцев»¹³ 1871 г. отмечал, что каждое преступление нужно исследовать «не как отрывочный факт, но как явление, подобное всем явлениям мира, зависящее от той среды, в которой оно возникло, носящее характер тех условий, в среде которых оно образовалось»¹⁴. Та же мысль звучала в речи присяжного поверенного П.А. Александрова. Он указывал на необходимость изучения той почвы, которая «у нас нередко производит преступления и преступников»¹⁵.

Представители адвокатуры, обращаясь к раскрытию сути политических преступлений, зачастую не видели в них цельности. В частности, тот же А.И. Урусов подчёркивал, что состав политического преступления складывается из малейших и незначительных поступков, когда «рассматриваются, как улики, знакомства, розыскиваются бумаги, и последний клочок бумаги, на котором написано «револю-

ция» или «республика», делается уликою против человека... Его мысли, его разговоры, его восклицания обращаются против него»¹⁶. По мнению защитника, как таковой «известной опасности» от мыслей и рассуждений не существует, поскольку её создаёт само государство, проявляющее особенную ревность «в отыскании и преследовании всех прикосновенных к делу лиц»¹⁷.

Похожие соображения прослеживаются в выступлениях А.Н. Турчанинова и Н.Ф. Делпа, которые отмечали, что привлечение к суду по политическим преступлениям чаще всего основывается «не на точном, ясном расследовании дела, а на недостатках, недоделках»¹⁸.

Весьма выразительно понятие политического преступления формулировал присяжный поверенный М.П. Успенский: «Политические преступления имеют ту особенность относительно общеуголовных, что отличаются более неопределённым характером, так что малейшее обстоятельство может изменить совершенно состав преступления»¹⁹. Поскольку обстоятельства могут быть разнообразными, то, соответственно, от этого зависит интерпретация наличия преступления; отсутствие или недоказанность какого-либо обстоятельства не даёт возможности говорить о политическом преступлении как о таковом²⁰.

На непрояснённости понятия политического преступления указывали присяжные поверенные А.И. Урусов²¹ и Л.А. Куперник²². Подчёркивая специфику политического и уголовного преступлений, А.И. Урусов на процессе «нечаевцев» делал акцент на изменчивости понятия о государственном преступлении, которое «помрачается различными житейскими превратностями. Оно изменяется сообразно времени, событиям, правам и достоинствам власти»²³. По мнению А.И. Урусова и Л.А. Куперника, дать чёткое и ясное определение политическому преступлению не представляется возможным, поскольку понятие о нём постоянно изменяется и является относительным²⁴.

На уголовном процессе Веры Засулич 1878 г.²⁵ присяжный поверенный П.А. Александров высказался более категорично: «Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести»²⁶. Отличаясь текучестью и неопределённостью, политическое преступление, по образному выражению защитника, «нередко только ранне-временно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что ещё недостаточно созрело и для чего ещё не наступило время»²⁷.

Проводя мысль о неопределённости понятия политического преступления, присяжные поверенные предлагали собственную интер-

претацию дефиниций, под которые подводится суть государственных преступлений – «неповиновение верховной власти», «порицание образа правления», «воззвание», «агитация», «пропаганда» и так далее. Именно выявление точного смысла каждого из этих понятий могло дать возможность говорить о понимании специфики политического преступления. С этой целью присяжные поверенные обращались к вопросам образования тайных сообществ, участия в них подсудимых.

На примере деятельности противозаконных организаций 1870-х гг. защитники задавались вопросом, что же должно представлять собой преступное сообщество и каковы его отличительные черты? К.К. Арсеньев утверждал, что образование тайного сообщества требует наличие двух основных элементов: 1) существование людей, стоящих «выше остальных членов организации и по своим способностям, и по положению, и по энергии своей натуры»; 2) единогласие между членами сообщества, их решимость следовать к чётко заданной цели²⁸. О необходимости наличия первого элемента говорил и присяжный поверенный А.И. Урусов, отмечавший, что в любой тайной организации должны быть люди опытные, прошедшие «искус политических волнений» и «умеющие повелевать своими страстями»²⁹.

Защитник Г.Д. Нечаев определил преступную организацию как «тесный союз людей, соединившихся для достижения противоправительственных целей»³⁰. По замечанию Г.В. Бардовского, тайное сообщество представляет собой «нечто цельное и правильно организованное»³¹. Функционирование его, по мнению присяжного поверенного Д.В. Стасова, не могло быть без основателя и участников организации, без распределения ролей внутри неё³². А.С. Любимов на процессе «11-ти»³³ отмечал, что для учреждения сообщества требуется «нечто вроде устава, нечто вроде программы деятельности, программы для всех обязательной»³⁴.

Таким образом, присяжные поверенные определяли специфику противозаконных группировок, наделяя их чертами, которыми они должны были обладать в реальности. Но, непосредственное обращение к обстоятельствам политических процессов 1870-х гг. заставило защитников усомниться в существовании единого совокупного сообщества, противодействовавшего государственной власти общими средствами и путями. Эту мысль наиболее ярко провёл в своём выступлении А.Д. Шумахер на процессе «11-ти». Он, выявляя особенности преступных организаций 1870-х гг., заметил: «Одна партия действует только путём пропаганды, другая считает нужным прибегнуть к активной борьбе с правительством и наконец, третья, наиболее опас-

ная фракция, есть та, которая стремится захватить в свои руки власть путём заговора или государственного переворота»³⁵. Набором таких рассуждений защитник показывал, что, как таковых, целостных сообществ, стремящихся к ниспровержению государства единими средствами, не существовало. От интерпретации средств, употребляемых ими, зависела степень наличия признаков политического преступления.

Приведение присяжными поверенными тех или иных аргументов, отрицавших наличие опасных конспиративных организаций, связывалось с деятельностью в них подсудимых. Для доказательства участия в работе тайного общества, по мнению К.К. Арсеньева, необходимы были два главных признака: 1) наличие у обвиняемого ясного знания о деятельности общества; 2) совершение им таких деяний, которые «прямо или косвенно делали его участником тайного общества»³⁶. Разделяя взгляды К.К. Арсеньева, присяжный поверенный В.Н. Герард добавлял, что непосредственное участие в работе противозаконной организации предполагает «приготовления к посвящению» в неё³⁷. Присяжные поверенные, выступившие по делам Л. Мирского³⁸ и «11-ти», акцентировали внимание на необходимости нахождения письменных документов, в которых бы ясно указывалось на преступную деятельность подсудимых.

Обстоятельства же, выявленные на процессах, по убеждению многих представителей адвокатуры, не позволяли говорить о принадлежности обвиняемых к революционным сообществам. Так, К.П. Слепнев и Н.А. Светлов подчёркивали, что проживание под чужим видом и хранение фальшивых документов не свидетельствуют об участии подсудимых в работе преступных организаций и тем самым не служат доказательством причастности их к совершению преступлений³⁹. Наличие у подсудимых книг революционного содержания и распространение ими прокламаций, по мнению защитников Д.В. Стасова, А.К. Рихтера и Г.В. Бардовского, — не убедительные доводы для обвинения в принадлежности к тайному сообществу.

Присяжный поверенный фон-Агте утверждал, что не является основанием для обвинения и сочувствие стремлениям преступных группировок. Говорил об этом и Л.Д. Африканов, по мысли которого, изъявление подобного рода сочувствия «не может служить доказательством принадлежности к тайному сообществу, потому что одного сочувствия, безо всякого действия, в котором выражалась бы солидарность политических убеждений с социалистами-бунтарями, не может быть достаточным для обвинения в государственном преступлении»⁴⁰.

Ряд других присяжных поверенных подчёркивали, что для обвинения в недонесении о тайном сообществе, в попустительстве его деятельности и в укрывательстве членов сообщества необходимо присутствие определённых признаков, которых, однако, по их мнению, в политических процессах 1870-х гг. невозможно усмотреть.

Вместе с тем, присяжные поверенные, рассматривая признаки, которые не свидетельствовали бы о соучастии подсудимых в преступлении, тем самым ставили под вопрос степень их вины. В большинстве своём, они проводили мысль о второстепенной роли большинства обвиняемых в противозаконных группировках. Так, В.Д. Спасович и К.К. Арсеньев отмечали, что многие представители организации С. Нечаева играли пассивную роль при исполнении различных заданий и поручений: обвиняемая Беляева оказала лишь материальную помощь, а Прыжов «приложил несколько печатей к бланкам комитета»⁴¹. По замечанию В.С. Буймистрова, участие подсудимого Николаева в работе нечаевского сообщества было ничтожным: он «только и делал, что приносил, относил, уносил, записывал, переписывал»⁴².

Очевидно, что некоторые защитники стремились преуменьшить роль деятельности обвиняемых в организации С. Нечаева. В обязанности Успенского, как подчёркивал присяжный поверенный А.И. Урусов, входило ведение протоколов и хранение кассы, но он являлся «не более как соучастником, так как основателем, учредителем и представителем общества был один Нечаев»⁴³. Развивая ту же мысль, Д.В. Стасов утверждал, что «вся роль Долгова преимущественно заключалась в том, что он составлял протоколы и относил их Успенскому. Я думаю, что это не есть ещё председательство, что это не даёт ещё права, весьма невыгодного в настоящем деле, считаться первым в кружке»⁴⁴.

Близкими по смыслу аргументы можно найти и в выступлениях присяжных поверенных по делу «долгушинцев»⁴⁵. Так, один из них, Д.Л. Слонимский, отмечал, что подсудимый Папин «являлся далеко не важным деятелем. Он не усвоил себе всех убеждений кружка и в деле распространения прокламаций действовал крайне нерешительно, не энергично и даже боязливо, колеблясь на каждом шагу»⁴⁶. Стремление преуменьшить долю участия обвиняемых имело место и позднее – на политических процессах второй половины 1870-х гг., когда государственная власть столкнулась уже со сложившимися революционными группировками.

Путём различных доводов присяжные поверенные старались опровергнуть наличие преступления в действиях подсудимых – «бунтарей». Представители нечаевского сообщества, воспитанные на идее

беспрекословного подчинения, в деле убийства И. Иванова руководствовались, по мысли защитников, принципом – не может же «погибать целая ассоциация из-за того только, что один человек хочет сопротивляться»⁴⁷. В речах К.К. Арсеньева и А.И. Урусова содержались ссылки на пассивное участие обвиняемых в преступлении. Так, по мнению К.К. Арсеньева, «участие Прыжова было совершенно пассивное, т.е. лучше сказать, он никакого участия не принимал, не только в убийстве, но и в приготовлениях к убийству, в навязывании верёвок к кирпичу и в действиях, последовавших за убийством, т.е. в укрывательстве трупа Иванова в пруду»⁴⁸. Разделяя взгляды К.К. Арсеньева, присяжный поверенный В.С. Буймистров весьма характерно замечал, что роль Николаева в преступлении не может являться главной, поскольку подсудимый как «младенец по уму» выполнил «жалкую роль» в нём⁴⁹.

Проблема степени участия в преступлении в значительной мере разрабатывалась присяжными поверенными, выступившими на политических процессах второй половины 1870-х – начала 1880-х годов⁵⁰. В частности, А.В. Дзенциолл определял причастность обвиняемого Кобылянского к убийству харьковского губернатора кн. Кропоткина как «нечто среднее между действием недоносителя и необходимого пособника»⁵¹. Акцент на пассивности участия Г. Гельфман в первомартовских событиях делал присяжный поверенный А.А. Герке. Ссылаясь на показание подсудимой, он утверждал, что, хотя она и «принадлежала по убеждениям к революционно–социалистической партии, разделяла программу «Народной воли», была хозяйкой конспиративных квартир», но сама «активного участия в царубийстве не принимала»⁵².

Некоторые присяжные поверенные ссылались на невозможность обвинения в политическом преступлении без обнаружения нравственных убеждений со стороны его соучастников. Такая тенденция прослеживается в речах защитников, выступивших по делу о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 года⁵³. Так, Л.А. Гантовер, отвергал соучастие подсудимого Потапова в демонстрации указанием на то, что тот принял лишь физическое, а не нравственное участие, предполагавшее разделение с другими лицами общих убеждений; тем самым, обвиняемый «силою внешних обстоятельств мог попасть в эту среду; он мог участвовать, так сказать, только своим телом, не имея ни познаний, ни понимания о том, что он совершает»⁵⁴.

По мысли присяжных поверенных, для того, чтобы инкриминировать противодействие государству, в действиях подсудимых должно быть ясное проявление неуважения или порицания верховной

власти. Наличие же этого существенного фактора не усматривали защитники в событиях Казанской демонстрации (декабрь 1876 г.) и в т.н. «охотнорядском побоище» (май 1878 года)⁵⁵.

Стремление к отрицанию состава преступления в действиях обвиняемых просматривается в речах присяжных поверенных и на других процессах. В частности, П.А. Александров подчёркивал, что для Веры Засулич, дело которой не шло как политическое, «было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить... Ею не было предпринято ничего для того, чтобы выстрел имел неизбежным следствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась»⁵⁶. По мнению защитника, Засулич руководствовалась намерением не произвести убийство, а целью «благородной» — привлечь общественное внимание к случаю с А. Боголюбовым. Тем самым, «ввиду двойственности намерения Засулич, ввиду того, что для её намерений было безразлично последствие большей или меньшей важности, что ею ничего не было предпринято для достижения именно большего результата, что смерть только допускалась, а не была исключительным стремлением Веры Засулич, нет основания произведённый ею выстрел определять покушением на убийство»⁵⁷.

Той же позиции придерживался присяжный поверенный А.Н. Турчанинов, ссылавшийся на «неприведение в исполнение» преступления А. Соловьёва, мотивируя тем, что цель, стоявшая перед подсудимым, не была осуществлена⁵⁸. Соответственно, состав преступления просто-напросто отсутствует, поскольку «не был приведён в исполнение его дерзновенный замысел на царевубийство»⁵⁹.

В свете рассуждений о сути политического преступления особую значимость приобретала интерпретация присяжными поверенными намерений, с которыми участники процессов распространяли антиправительственные сочинения. Для обвинения в политическом преступлении, по замечанию защитника Г.В. Бардовского, необходимо, чтобы лицо распространяло революционную литературу «с целью возбудить к бунту или явному неповиновению власти верховной»⁶⁰. Присяжный поверенный М.П. Успенский акцентировал внимание на том, что намерение, с которым «передаётся от одного лица к другому книга преступного содержания», может иметь различный характер; важно понять, осуществляется ли это намерение со злым умыслом или нет, поскольку от постановки вопроса именно таким образом зависит состав преступления⁶¹.

В соответствии с этим, перед присяжными поверенными вставала задача определить, распространяли ли подсудимые преступные книжки злоумышленно? Характерно в этом плане убеждение А.И.

Языкова в том, что для передачи противозаконной литературы необходима «какая-нибудь нравственная связь, какой-нибудь умысел, чтоб такая передача могла сделаться преступлением»⁶². Злонамеренное распространение подобных сочинений, по мнению присяжного поверенного А.С. Шугаевского, должно было включать в себя подготовку, средства, выбор лиц, осторожность⁶³.

Передачу книг без умысла, как отмечал Д.А. Владимирский, нельзя считать злоумышленным распространением⁶⁴. Соответственно, как подчёркивал защитник М.П. Успенский, под таким распространением закон «разумеет не простую передачу одним лицом другому запрещённых книг по-товарищески, без задней мысли, а со злым преступным умыслом распространить преступные идеи и вызвать революционные действия»⁶⁵.

В выступлениях присяжных поверенных отчётливо проводилась мысль о том, что участники политических процессов в деле распространения революционной литературы действовали без злоумышленного стремления, поскольку не понимали смысла её содержания. Чтение недозволенных законом книг, по мнению А.Л. Боровиковского, не может повлечь за собой обвинение в политическом преступлении, если прочитавший их «не делал никаких объяснений»⁶⁶. Присяжный поверенный А.А. Ольхин указывал на признание обвиняемого Т. Зайцева, который «прямо заявил, что он действительно получил некоторые книжки, но не понимал и то небольшое, что в них читал»; подзащитный «вовсе не понимал преступного значения этих книжек, и как он, так и те, которые брали у него книжки и читали, относились к ним, как к сказке о Еруслане Лазаревиче»⁶⁷.

Ещё ярче выразил свою позицию защитник С.А. Андреевский. Стараясь опровергнуть воздвигнутое против П. Кифоренко обвинение в злонамеренном распространении им сочинений преступного содержания, присяжный поверенный ссылаясь на то, что «ни в нашем законодательстве, ни в сенатских решениях нет никакого объяснения и толкования понятий распространения и пропаганды»⁶⁸.

Непонимание якобы подсудимыми смысла противозаконных книг присяжные поверенные тесно связывали с вопросом о содержании этой литературы. Так, стремление подчеркнуть безвредность сочинений «преступного содержания» и тем самым смягчить степень вины обвиняемых прослеживается в речах защитников на процессе «долгушинцев». В.Д. Спасович утверждал, что последствия прокламаций «К интеллигентным людям», «Как должно жить по закону природы и правды», «Русскому народу» были «неважны, что никакого волнения прокламации эти произвести не могли»⁶⁹; в частности,

из анализа прокламации «Как должно жить по закону природы и правды» видно, что она «если и может вызвать кару закона, то только вследствие того, что в ней оспаривается право собственности»⁷⁰.

Отсутствие в прокламации политического оттенка, В.Д. Спасович обосновал тем, что она «если и изобилует выражениями, возбуждающими вражду, то она всё-таки не заключает в себе воззвания к бунту, так как выражения эти, по производимому этою прокламациею общему впечатлению, нельзя понимать в буквальном смысле»⁷¹. По мнению защитника Е.И. Утина, брошюра «Русскому народу» имеет «чисто теоретический характер и не содержит в себе воззваний к таким действиям, которые бы имели революционное движение в обыкновенно принимаемом смысле этого слова»⁷².

Пропаганда членов долгушинского кружка, по замечанию Д.Л. Слонимского, вращалась «вокруг поземельных наделов или больших оброков и стремилась к разрушению частной собственности и, как результат этого, к возбуждению вражды неимущих классов к имущим, но совершенно не было речи ни о царе, ни о государстве»⁷³.

Тем самым, соглашаясь с защитниками Е.И. Утиным и В.Д. Спасовичем, Д.Л. Слонимский утверждал, что эти требования идут вразрез и никак не соотносятся с политическими воззваниями, предполагавшими протест против государственной власти. В подтверждение «безвредности» деятельности кружка «долгушинцев» присяжный поверенный приводил такой довод: «Если бы народ видел в этих прокламациях что-либо похожее на бунт против верховной власти, то вследствие того, что в сознании его власть верховная стоит несокрушимо, твёрдо, он распорядился бы в этом случае своим судом»⁷⁴.

Средства осуществления требований преступных сочинений, по мнению присяжных поверенных, являлись неопасными. По замечанию Е.И. Утина, некоторые из требований представлялись «идеальными, неосуществимыми и поэтому... совершенно безвредными»⁷⁵. С ним солидаризировались защитники В.Д. Спасович и Д.Л. Слонимский. Как отмечал В.Д. Спасович, одни из требований прокламации «Русскому народу» имеют «характер социальный, а другие составляют не более как проекты административной реформы, которые были разбираемы в печати, притом одни из них уже осуществлены, а другие осуществляются в близком будущем»⁷⁶.

Ещё более категорично высказывался присяжный поверенный Л.А. Куперник, который не находил в этих прокламациях «ничего преступного». Он подчёркивал, что мысли их «в иной форме могли бы быть высказаны даже в нашей печати при её настоящем положении»⁷⁷. Тем самым, путём подобных аргументов представители адво-

катуры старались доказать, что подсудимые не придавали серьёзного значения распространению революционной литературы. Оно воспринималось ими фактически как ребячество. Книги преступного содержания, по их убеждению, не оказывали сильного воздействия на молодых людей и с их стороны это было простым увлечением и не более.

Судя по речам защитников, участие в антиправительственных организациях и распространение революционной литературы представляли скорее недоразумение, которое не несло угрозы общественному и государственному устройству, что естественным образом не могло не вызывать жалости к подсудимым, участвовавшим в подобных преступлениях.

Изучение выступлений присяжных поверенных на политических процессах 70-х гг. XIX в. приводит к мысли о «размывании» ими понятия политического преступления. Подобные преступления защитники изображали как явление расплывчатое, лишённое внутренней цельности. Приводя множество примеров, они пытались убедить общественность в том, что из-за сложности и своеобразия это явление не поддаётся точным формулировкам. И, соответственно, раз обстоятельства процессов как таковые свидетельствовали об отсутствии чёткости в определении понятия преступления, то, естественно, и нельзя квалифицировать тот или иной эпизод революционной деятельности под понятие политического преступления. Исходя из таких соображений, присяжные поверенные тем самым подрывали представления общества о политическом преступлении как явлении пагубном, опасном, разрушительном, внушали публике то, что не соответствовало реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875; *Макалинский Л.В.* Санкт-Петербургская присяжная адвокатура. СПб., 1889; *Васьковский Е.В.* Будущее русской адвокатуры. СПб., 1893; *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры. СПб., 1893; *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. СПб., 1900; *Винавер М.М.* Очерки об адвокатуре. СПб., 1902.

² *Фукс В.Я.* Суд и полиция. М., 1889. Ч. II. С. 6.

³ См.: *Ляховецкий Л.Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб., 1897; *Маклаков В.А.* Ф.Н. Плевако. М., 1910; *Руадзе В.П.* Два судебных оратора (М.Г. Казаринов и Н.П. Карабчевский). СПб., 1912; *Подгорный Б.А.* Плевако. М., 1914; *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. М., 1984; *Скрипилов Е.А.* В.Д. Спасович – король русской адвокатуры. М., 1999.

⁴ См.: *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. 1855 – 1881. М., 1909; *Барриве Л. (Гальперин Л.Е.)* Освободительное движение в царствование Александра Второго. М., 1909; *Барриве Л. (Гальперин Л.Е.)* Общественное движение в царствование Александра Второго. М., 1911; *Глинский Б.Б.* Революционный

период русской истории (1861 – 1881 гг.). СПб., 1913; *Зарин А.Е.* За свободу. Как боролись и умирали русские революционеры. Л., 1927; *Горев Б.Б.* Революционное народничество семидесятых годов. М., 1928; *Левин Ш.М.* Общественное движение в России. М., 1958; *Антонов В.Ф.* Революционное народничество. М., 1965; *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. М., 1965; *Седов М.Г.* Героический подвиг революционного народничества. М., 1966; *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983; *Троицкий Н.А.* Русское революционное народничество 1870-х годов. Саратов. 2001.

⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. III. М., 1961; *Виленский Б.В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов. 1969.

⁶ *Троицкий Н.А.* Русская адвокатура на политических процессах народников (1871-1891) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968; *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политических процессы 1866-1904 гг. // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996.

⁷ *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866 – 1904 гг. Тула. 2000. С. 22.

⁸ *Пилипенко Г.Л.* Адвокатура. М., 1998.

⁹ *Немытина М.В.* Суд в России = Court in Russia, вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов. 1999.

¹⁰ *Барщевский М.Ю.* Организация и деятельность адвокатуры в России. М., 2000.

¹¹ *Лубшев Ю.Ф.* Адвокатура в России. М., 2001.

¹² *Тарановски Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 308.

¹³ Процесс «начеаевцев» стал первым крупным политическим процессом, который приобрёл огласку в печати и вызвал повышенный интерес публики к себе. Разбирательство дела, начавшееся 1 июля в Санкт-Петербургской судебной палате, длилось по 11 сентября 1871 года. К суду было привлечено 79 человек, среди которых – П.Успенский, А. Кузнецов, И. Прыжов, Н. Николаев, Ф. Волховский, И. Флоринский, М. Коринфский, П. Ткачёв, братья В. и И. Лихутины, Е. Томилова, А. Дементьева, В. Александровская. Вышеназванные подсудимые обвинялись по трём пунктам: 1) учреждение сообщества «Народная расправа», имевшего целью ниспровержение существующего порядка государственного управления; 2) печатание и распространение прокламаций, возбуждающих к бунту и неповиновению верховной власти; 3) принятие участия в убийстве члена сообщества И. Иванова.

Подсудимых защищали такие присяжные поверенные как А. И. Урусов, В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, Е.И. Утин, Н.М. Соколовский, К.Ф. Харгулари, А.А. Ольхин, А.Н. Турчанинов, А.М. Унковский и многие другие адвокаты. По «мягкому» решению суда, в мотивировке которого немалую роль сыграли защитники, большинство обвиняемых было оправдано, а остальные приговорены к лишению прав состояния, арестам и ссылке на каторжные работы сроком от 4-х до 15 лет.

¹⁴ Голос. 1871. № 192.

¹⁵ Новое время. 1878. № 755.

¹⁶ Голос. 1871. № 195.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. № 194.

¹⁹ Московские ведомости. 1880. № 106.

Грезнева А.А. Присяжные поверенные в политических процессах 1870-х годов

²⁰ Там же.

²¹ Голос. 1871. № 192.

²² Правительственный вестник. 1874. № 172.

²³ Голос. 1871. № 192.

²⁴ Голос. 1871. № 192; Правительственный вестник. 1874. № 172.

²⁵ Дело Веры Засулич было рассмотрено в Санкт-Петербургском окружном суде 31 марта 1878 года. Причиной проведения процесса стало событие, произошедшее 24 января того же года – выстрел Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, по приказу которого был высечен политический заключённый А. Боголюбов. Делу придали уголовный характер, однако защитник подсудимой П.А. Александров акцентировал внимание на политическом смысле деяния Засулич. Выступление присяжного поверенного в значительной степени способствовало оправданию обвиняемой, произведшему огромное впечатление на русское общество.

²⁶ Новое время. 1878. № 755.

²⁷ Там же.

²⁸ Голос. 1871. № 193.

²⁹ Там же. № 192.

³⁰ Правительственный вестник. 1877. № 66.

³¹ Голос. 1878. №225.

³² Там же.

³³ Процесс «11-ти» проходил с 6 по 14 мая 1880 г. в Санкт-Петербургском военно-окружном суде. По нему были привлечены А. Михайлов, О. Веймар, В. Сабуров, Л. Бердников, Л. Левенталь, Л. Буланов, В. Трошанский, М. Коленкина, А. Малиновская, О. Натансон и О. Витаньева. Означенным лицам вменялись следующие обвинения: 1) принадлежность к революционной организации; 2) распространение недозволенных законом брошюр и писем; 3) убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцева. Защитниками подсудимых были назначены А.Д. Шумахер, А.С. Любимов, В.А. Марголин, В.И. Скачилов и Н.А. Светлов. Согласно резолюции суда, 7 приговорены к каторге от 6 до 20 лет и 4 – к ссылке в Сибирь.

³⁴ Правительственный вестник. 1880. № 122.

³⁵ Там же.

³⁶ Голос. 1871. № 193.

³⁷ Там же. № 234.

³⁸ В конце ноября 1879 г. (15-17 ноября) на страницах прессы был отражён процесс, по которому проходили следующие лица: Л. Мирский, Ю. Тархов, Е. Беклемишев, А. Ольхин, И. Головин, Н. Верещагин, А. Семенская, Г. Левенсон. В соответствии с обвинительным актом, подсудимые обвинялись в «принадлежности к преступному сообществу, имевшему целью путём насилия ниспровергнуть существующий в России государственный и общественный строй, покушении в интересах этого общества на жизнь шефа жандармов, вооружённом сопротивлении должностным лицам, сопровождавшемся покушением на убийство, подделке видов на жительство» (Московские ведомости. 1879. №297).

Защитниками по данному делу выступили В.И. Скачилов, А.А. Ходнев, А.С. Любимов, Н.М. Фокин, В.А. Копасский и А.Д. Шумахер, которые способствовали оправданию 6 обвиняемых. В отношении других подсудимых суд вынес такой вердикт: Л. Мирского – подвергнуть смертной казни через повешение (заменено ссылкой на бессрочные каторжные работы в рудниках), Ю. Тархова – сослать на каторжные работы в рудниках на 13 лет.

³⁹ Голос. 1878. № 227; Правительственный вестник. 1880. № 123.

⁴⁰ Московские ведомости. 1880. № 362.

⁴¹ Голос. 1871. № 193.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. № 192.

⁴⁴ Там же. № 212.

⁴⁵ Правительственный вестник. 1874. № 172. По процессу «долгушинцев» (9-15 июля 1874 г.) к суду было привлечено 12 человек: А. Долгушин, Л. Дмоховский, И. Панин, Н. Плотников, А. Васильев, Т. Сахарова, Д. Гамов, А. Чиков, Э. Циммерман, В. Сидорацкий, И. Авессаломов, А. Ободовская. Перечисленным лицам вменялось в вину печатание, хранение и распространение прокламаций («К интеллигентным людям», «Как должно жить по законам природы и правды», «Русскому народу») с целью возбудить население к бунту и неповиновению верховной власти.

Представителями подсудимых выступили защитники Е.И. Утин, В.Д. Спасович, Д.Л. Слонимский, А.А. Герке, Н.А. Полетаев, В.П. Гаевский, Н.М. Соколовский, А.Н. Матросов, Л.А. Куперник, А.А. Брут и В.С. Буймистров. Обвиняемые понесли наказание: 6 человек были приговорены к каторге от 3 до 10 лет (только А. Васильеву наказание заменено 2-хлетним заключением в рабочем доме), а остальные были подвергнуты арестам от одного месяца до трёх лет.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Голос. 1871. № 192.

⁴⁸ Там же. № 193.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ К числу наиболее громких политических процессов пореформенного времени, вызвавших значительный резонанс в обществе, относятся процессы «11-ти», «16-ти» и «1 марта». В октябре 1880 г. слушалось дело о 16-ти лицах, преданных суду за целый ряд совершённых ими преступлений: 1) принадлежность к преступной группировке; 2) убийство харьковского губернатора кн. П.А. Кропоткина; 3) ряд покушений на императора Александра II; 4) обнаружение тайной типографии, занимавшейся печатанием противоправительственных изданий; 5) вооружённое сопротивление при задержании.

Защитниками на процессе были: В.А. Марголин – А. Зунделевича и А. Зубковский, К.Л. Аполлонов – С. Маргыновского, А. Преснякова и А. Булича, А.В. Дзенциолл – Л. Кобылянского, М.Н. Кисличный – В. Дриго, А.А. Ходнев – Е. Фигнер, В.К. Китаевский – Н. Буха. Другие подсудимые от защиты отказались. Решение суда явилось наиболее суровым по сравнению с приговором по процессу «11-ти»: А. Квятковский и А. Пресняков были приговорены к смертной казни через повешение, 4 – к ссылке, 10 – к каторге от 4-х лет до пожизненной.

Активность революционеров, совершивших ряд покушений на Александра II и многих должностных лиц, достигла своего апогея в первомартовских событиях 1881 г., жертвой которых стал сам император. Дело «1 марта», привлекая к себе огромное общественное внимание, было рассмотрено в ОППС с 26 по 29 марта. Перед судом предстали 6 человек, которых защищали такие известные присяжные поверенные как А.М. Унковский (Н. Рысакова), К.Ф. Хартулари (Т. Михайлова), А.А. Герке (Г. Гельфман), В.Н. Герард (Н. Кибальчича), Е.И. Кедрин (С. Перовскую). А. Желябов от защиты отказался. По определению ОППС, 5 были приговорены к смертной казни и 1 человек (Г. Гельфман) был осуждён на вечную каторгу.

⁵¹ Правительственный вестник. 1880. № 252.

Грезнева А.А. Присяжные поверенные в политических процессах 1870-х годов

⁵² Правительственный вестник. 1881. № 75.

⁵³ Правительственный вестник. 1877. № 26-27, № 31. По делу о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. проходили 21 человек: И. Гервасий, Я. Гурович, А. Бибергаль, М. Чернавский, В. Надеждин, А. Боголюбов (А. Емельянов), Г. Громов, Е. Бочаров, С. Геллер, И. Попов, Н. Фалин, Е. Новаковский, А. Мо-рошкин, В. Иванов-Савельев, Я. Потапов, М. Григорьев, В. Тимофеев, Ф. Шеф-тель, В. Ильяшенко, Л. Николаевская, С. Иванова.

Подсудимые обвинялись в том, что: 1) на площади у Казанского собора в Петербурге они «образовали из себя толпу, слушали произносившуюся из их сре-ды речь, направленную к порицанию установленного законами государственно-го порядка и образа правления, выражали сочувствие этой речи громкими крика-ми и знаками одобрения, поднимали красный флаг с революционным воззвани-ем «Земля и воля», а затем толпою же, получившей вследствие вышеизложенно-го характер явно возмутительного действия, двинулись от собора по площади, чем и сделались участниками преступления, предусмотренного 2-м отделом 252 статьи Уложения о наказаниях» (Правительственный вестник. 1877. №25).

Обвиняемых защищали Г.В. Бардовский, В.С. Буймистров, Л.А. Гантовер, А.И. Знамеровский, Ю.Е. Полуянский, А.Я. Камионко, А.А. Ольхин, А.Н. Тур-чанинов и другие присяжные поверенные. Троице из подсудимых был вынесен оправдательный приговор, остальные же были осуждены к каторжным работам и к ссылке в Сибирь.

⁵⁴ Там же. № 26.

⁵⁵ Правительственный вестник. 1877. № 26-27, № 31; Новое время. 1878. № 799. 18 мая 1878 г. в Московском мировом суде слушалось дело об «уличных бес-порядках» (т.н. дело об «охотнорядском побоище»), в которых были усмотрены антипатриотическое движение и покушение на существующий государственный порядок. Перед судом предстали обвиняемые Андреев, Поммер, Матушевич, Горынский, Подстепный, Вальтер, Рутовский и Дахреден. На страницах печати были отражены выступления присяжных поверенных Н.П. Шубинского и С.М. Курилова в защиту подсудимых Андреева и Рутовского. Двоим их подсудимых суд вынес оправдательный приговор, а остальные были подвергнуты 4-хдневно-му аресту.

⁵⁶ Новое время. 1878. № 755.

⁵⁷ Там же. Доводы защитника П.А. Александра убедили присяжных засе-дателей в невиновности Веры Засулич и она была оправдана.

⁵⁸ Правительственный вестник. 1879. № 119.

⁵⁹ Там же. С конца 1870-х гг. революционеры предприняли целый ряд поку-шений на императора Александра II, одно из которых было совершено 2 апреля 1879 г. членом Исполнительного комитета «Земли и воли» А.К. Соловьёвым, вы-звавшее негодование со стороны общества. Защитником обвиняемого выступил присяжный поверенный А.Н. Турчанинов. 25 мая Верховный уголовный суд приговорил А.К. Соловьёва к смертной казни через повешение.

⁶⁰ Современные известия. 1875. № 204.

⁶¹ Московские ведомости. 1880. № 106.

⁶² Голос. 1871. № 233.

⁶³ Голос. 1879. № 249.

⁶⁴ Московские ведомости. 1880. № 106.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Современные известия. 1875. № 205.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Новое время. 1878. № 847.

⁶⁹ Правительственный вестник. 1874. № 172.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

THE ATTORNEYS AT LAW IN POLITICAL PROCESSES OF THE 1870-TH YEARS

A.A.GREZNEVA

The institute of the attorneys at law built during the judiciary reform by 1864, held the special place in public life of second half of the XIX-th century. When appearing on political processes of 1870-th (the most considerable of them were processes of «Nechaevtsy», of «50», of «11», of «16» etc.), the advocates faced the necessity to define essence of the crime against the state, that was the new phenomenon, undeveloped by public consciousness.

To understand and to uncover effect of the attorneys at law on the legal conscience of the society, the author considers the barristers' performances which were being published due to the transparency of legal processes in the second half of the XIXth century. The speeches of the attorneys at law allow to analyze those ideas about political crime, which were instilled by the advocates to the Russian society.